

Предисловие «Полки»

Достоевский начинает писать «Бесы» как злой антинигилистический памфлет, но вырывается за рамки жанра и создает один из своих лучших романов — политический триллер, сатирический боевик, религиозную драму и экзистенциальную трагедию под одной обложкой.

Елена Макеенко

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

В губернский город одновременно возвращаются из-за границы демонический красавец Николай Ставрогин и сын домашнего учителя Петруша Верховенский. После их приезда начинают происходить странные вещи: скандалы, пожары, убийства. Плетутся политические интриги, расползаются слухи, у каждого жителя в шкафу обнаруживается скелет. За месяц тихий город превращается в адскую воронку, большинство действующих лиц гибнет, сходит с ума или сбегает. Достоевский задумывает антинигилистический памфлет, а пишет мрачную и захватывающую трагедию мира, потерявшего гармонию и смысл.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Замысел начал складываться у Достоевского в 1869 году. В это время писатель находится за границей, скрываясь от кредиторов, тоскует по родине и прочитывает по несколько русских газет в день. В это же время в России активизируется студенческое движение, волнения происходят в Московском университете. Обеспокоенный Достоевский приглашает младшего брата своей жены, студента Петровской сельскохозяйственной академии в Москве Ивана Сниткина, погостить у них в Дрездене. По воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской, Сниткин много рассказывает о быте и настроениях студенческого мира, в том числе о студенте Иванове. Через полтора месяца Иванова убьют бывшие единомышленники по революционной организации «Народная расправа» во главе

с Сергеем Нечаевым. Убийство студента производит на Достоевского сильное впечатление. У писателя зреет замысел написать памфлет против нигилистов и западников, в начале 1870 года он рассказывает¹ об этой идее в письмах Аполлону Майкову и Николаю Страхову: «То, что пишу, — вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее. (Вот завопят-то про меня нигилисты и западники, что ретроград!) Да черт с ними, а я до последнего слова выскажусь». Постепенно «памфлет» разрастается, усложняется и превращается в большой роман, над которым писатель работает почти три года.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Роман представляет собой хронику, которую ведет молодой человек, свидетель и отчасти участник событий, Антон Лаврентьевич Г-в (в литературоведении его часто называют Хроникером). Рассказчик старается подробно и объективно фиксировать события, которые происходили в городе в сентябре–октябре одного года, но по мере вовлечения объективность ему изменяет, а отдельные эпизоды приходится домысливать. Для объяснения происшедшего Хроникер погружается в биографии героев за предыдущие двадцать лет и дополняет повествование фактами, которые были обнаружены уже после развязки. Отступления назад и забегаания вперед создают впечатление, будто в романе много лакун и нестыковок, однако, как доказала² исследовательница Достоевского Людмила Сараскина, мир «Бесов» проработан до минуты и требует от читателя всего лишь быть очень

Миллионная улица в Твери. 1860 год.
Тверь была прототипом губернского города в «Бесах»

внимательным. Единственная настоящая лакуна находится между восьмой и девятой главами: в этом месте, в самом центре романа, должна находиться глава «У Тихона», которую по цензурным соображениям отказался публиковать издатель «Русского вестника» Катков. В современных изданиях изъятая глава публикуется в виде приложения, в ней Николай Ставрогин исповедуется и фактически объясняет свое будущее самоубийство.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Феномен нарастающего политического радикализма и популярные в России 1840–60-х политические идеи, кружки и соответствующие дискурсы: социалистический, либеральный, почвеннический.

Важный литературный источник — традиция антинигилистических романов, которую Достоевский трансформировал и развил, во-первых, представив в своем романе сложную «палитру» нигилистов (одновременно с «Бесами» в «Русском вестнике» выходил роман Лескова «На ножах», который Достоевский раскритиковал в переписке с Майковым: «Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит»), во-вторых, отменив обязательное для романов такого типа противопоставление нигилистам государственной власти, которая в «Бесах» выглядит ничуть не лучше своих врагов. Особняком здесь стоят «Отцы и дети» Тургенева: от них Достоевский отталкивался в начале работы над романом, разрабатывая линию отца и сына Верховенских как основную, хотя позже эта литературная связь

почти исчезла. Мир губернского города из «Бесов» напоминает мир гоголевских «Ревизора» и «Мертвых душ», а также только что вышедшей «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина («Город наш третировали они как какой-нибудь город Глухов», — рассказывает Хроникер о публике из кружка губернаторши. Известно, что прототипом губернского города в «Бесах» была Тверь, где Достоевский жил после ссылки в 1859 году, а Салтыков-Щедрин служил вице-губернатором в 1860–1862 годах). Несомненно, повлияли на роман и «Повести Белкина»: Иван Петрович Белкин — ближайший литературный родственник Хроникера.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Роман публиковался в «Русском вестнике» в течение 1871–1872 годов с большим перерывом, который возник из-за борьбы Достоевского с издателем Михаилом Катковым и редактором Николаем Любимовым за главу «У Тихона». В 1873-м «Бесы» вышли отдельным изданием. «У Тихона» была опубликована в качестве приложения к роману только в 1926 году.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Поскольку Достоевский и сам считал «Бесы» тенденциозной книгой («Хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность», — пишет он Страхову 24 марта 1870-го) и написана она была как будто про «Народную расправу», неудивительно, что

Обложка первого книжного издания
«Бесов». 1873 год

современники оценивали роман в основном с точки зрения идеологии. Критики, относившиеся к революционным настроениям с опаской, приветствовали «Бесов»: «Г. Достоевский, с его способностью наблюдать и анализировать преимущественно болезненные явления человеческой души, задался выследить роковое влияние новых идей на слабый ум и те нравственные изъявления, какие извращение этих идей производит в жалких, внутренне несостоятельных натурах, пораженных бессилием и бесплодием полуобразованности»³ — так видел роман Василий Авсеенко и сам писавший антинигилистические произведения. Демократическая критика, напротив, обвиняла Достоевского в отказе от своих былых убеждений и в искажении сути «нечаевского дела». Петр Ткачев, критик и народник, привлекавшийся по делу

(в 1881 году, уже в эмиграции, он напишет статью «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России»), писал о «Бесах»: «В болезненных представлениях уродцев, помешавшихся на каких-то неопределенно мистических пунктах, — очевидно, нисколько не отражается мирозерцание той среды — среды лучшей образованной молодежи, из которой они вышли»⁴. Салтыков-Щедрин сетовал о «дешевом глумлении над так называемым нигилизмом», которое позволяет себе Достоевский⁵. Примиряющей можно считать позицию Владимира Соловьева, который считал, что «верную и беспристрастную оценку романа [можно будет дать] только в далеком будущем»⁶.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

После революции и Гражданской войны «Бесы» оставались романом, прочтение которого зависело от политических взглядов читателя и нередко от того, по какую сторону советской границы читатель находился.

Главным противником «Бесов» был Максим Горький, заклеивший роман реакционным и социально вредным и создавший тем самым советскую традицию его восприятия. Еще в 1913 году, требуя запретить постановку «Бесов» в Художественном театре, он назвал Достоевского злым гением, а его роман одним из «темных пятен злорадного человеконенавистничества на светлом фоне русской литературы»⁷. В Советском Союзе «Бесы» издавались только дважды, в собраниях сочинений Достоевского, а единственная

попытка издать роман отдельным двухтомником — в научном издательстве Academia в 1935 году — закончилась уничтожением тиража первого тома. Любопытно, что как раз это издание Горький попытался отстоять на страницах газеты «Правда» в полемике с критиком Заславским, назвавшим «Бесов» «литературной гнилью». Тем не менее итогом полемики стал запрет «Бесов», который продержался до 1957 года.

Символистская критика и экзистенциалисты объявили «Бесы» пророческой книгой, что тоже стало штампом, получившим вторую жизнь после перестройки. «Сейчас, после опыта русской революции, даже враги Достоевского должны признать, что “Бесы” — книга пророческая, — писал в 1918 году Николай Бердяев. — Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции. Русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии, не может не быть беснованием, исступленным и вихревым кружением. Это исступленное вихревое кружение и описано в “Бесах”. Там происходит оно в небольшом городке. Ныне происходит оно по всей необъятной земле русской»⁸.

Роман подробно анализировал Фридрих Ницше, особое критическое внимание он уделял фигуре Алексея Кириллова. В 1959 году театральную инсценировку «Бесов» написал Альбер Камю, он же писал о романе, и тоже о Кириллове, в своем знаменитом эссе «Миф о Сизифе». «Бесов» несколько раз экранизировали в Германии, Италии, Мексике, Польше. В России роман снова начали ставить и экранизировать после 1991 года, спектакли по «Бесам»

поставили в том числе Лев Додин и Юрий Любимов. В постсоветское время по отношению к «Бесам» устоялось определение «роман-предупреждение», особенно благодаря работам Людмилы Сараскиной.

КАКИЕ РЕАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ЛЕЖАТ В ОСНОВЕ «БЕСОВ»?

Убийство студента Сергеем Нечаевым и членами «Народной расправы» не только вдохновило Достоевского на создание антинигилистического романа, но и вошло в роман в качестве одного из главных событий — убийства Шатова «нашими». Стратегия поведения Петра Верховенского и устройство его тайного общества иллюстрируют написанный Нечаевым манифест «Катехизис революционера».

В сентябре 1869 года революционный маньяк и мистификатор с характером тоталитарного лидера Сергей Нечаев приехал в Москву с мандатом, подписанным Михаилом Бакуниным, и деньгами «Бахметьевского фонда»^{*1}, полученными от Николая Огарева. Бакунину и Огареву Нечаев представился в Швейцарии делегатом несуществующего Русского революционного комитета. В Москве же он открыл революционную ячейку организации «Народная расправа» в Петровской земледельческой академии, представившись студентам членом центрального комитета и рассказав о ячейках в других городах по всей России (в действительности их тоже не существовало). Московская ячейка распространяла

прокламации, в том числе «Катехизис революционера». 21 ноября 1869 года нечаевцы запланировали расклеить листовки в академии, чтобы поддержать студенческие волнения в Московском университете. Один из членов кружка, Иван Иванов, выступил против этой акции, так как опасался, что она может привести к закрытию академии. Нечаев, требовавший от своих подопечных жесткой дисциплины и беспрекословного подчинения, почувствовал угрозу своему положению в ячейке. Тогда он ложно обвинил Иванова в предательстве и сотрудничестве с властями и убедил других членов кружка в том, что предателя нужно убить. Иванова заманили в парк академии под предлогом, что там в гроте закопан типографский станок, который нужно достать. Когда Иванов пришел, бывшие единомышленники набросились на него и сначала пытались задушить, а потом сам Нечаев застрелил отбивавшегося студента. Тело бросили в пруд, привязав к нему кирпичи. Через несколько дней крестьяне обнаружили следы борьбы и труп Иванова.

Достоевский помещает события «Бесов» в то же время — осень 1869 года. Но, поскольку работа над романом и его публикация идут три года, да и реальный судебный процесс растягивается из-за отсутствия главного преступника, в текст прямо или косвенно проникают события 1870–1872 годов: Франко-прусская война, Парижская коммуна, смерть Герцена и другие. Таким образом роман сохраняет публицистическую остроту на протяжении

^{*1} В конце 1850-х годов помещик Павел Бахметьев увлекся идеями утопического социализма, распродал все свое имущество и уехал на острова Тихого океана строить коммуны, где бесследно пропал. Когда Бахметьев был проездом в Европе, он передал Александру Герцену и Николаю Огареву 20 тысяч франков на нужды революции.

Грот в Петровско-Разумовском парке. 1910 год.

В одном из таких гротов произошло убийство студента Иванова соратниками по революционной организации «Народная расправа»

всей журнальной публикации. Заодно создается эффект присутствия в мире «Бесов» для читателей-современников: с героями романа их объединяет общая повестка, как будто романное время течет параллельно времени чтения (сегодня такой прием часто используют авторы политических и юридических сериалов, стремясь реагировать на резонансные события, пока те еще обсуждаются в соцсетях).

В ходе нечаевского процесса были допрошены 87 человек, несколько нечаевцев получили оправдательный приговор, другие отправились на каторгу. Сам Нечаев бежал в Швейцарию и был выдан российским властям только в 1872-м. Через две недели после выхода «Бесов» отдельной книгой суд присяжных вынес приговор экстрадированному Нечаеву — 20 лет каторжных работ, но после суда его поместили

в Петропавловскую крепость как политического преступника. В конце 1880 года Нечаев связался через караульных солдат с членами организации «Народная воля» и предложил им план своего побега. Однако народовольцы уже готовили покушение на Александра II и не могли рисковать собой ради Нечаева, чьи иезуитские методы к тому же были им чужды. Через два года Нечаев умер в тюрьме.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ПРОТОТИПАХ ГЕРОЕВ РОМАНА?

У всей «пятерки» Верховенского и многих других героев романа есть реальные прототипы, часто Достоевский называл персонажей их именами в черновиках. Так, например, Степан Трофимович Верховенский

во время работы над романом носил фамилию Грановский, в честь историка-медиевиста Тимофея Грановского, профессора Московского университета, друга Герцена и Огарева, известного западника, близкого к кругу журнала «Современник». Правда, Верховенский-старший в отличие от своего прототипа только говорит о своих исторических трудах и быллом участия в политическом движении, не имея никаких подтверждений ни тому, ни другому, и весь его образ комического старика представляет собой довольно злую сатиру на Грановского как одну из крупных фигур русского западничества. С другой стороны, начальная историческая точка, от которой отсчитываются события романного прошлого в «Бесах», — 1849 год, год ареста петрашевцев*¹, среди которых был и сам Достоевский. Так что можно предположить, что Верховенский-старший все-таки имеет некоторую политическую биографию и представляет собой собирательный образ идеалиста 1840-х годов. Как охарактеризовал его, к восторгу Достоевского, Аполлон Майков: «...это тургеневские герои в старости».

Петр Степанович Верховенский носит в черновиках фамилию Нечаев или Речаев, хотя тому, что его прототип — Сергей Нечаев, и так не требуется лишних доказательств. Некоторые исследователи видят в образе Петруши и черты Михаила Буташевича-Петрашевского, лидера петрашевцев.

Липутин получил фамилию, напоминающую о нечаевцах Лихутиных, но его

прототипом послужил скорее Петр Гаврилович Успенский, который был правой рукой Нечаева в «Народной расправе». Это он фактически организовал для Нечаева тайное общество, предоставлял свою квартиру для встреч и вел протоколы. После ареста он же оказался одним из самых полезных свидетелей по делу.

Виргинский сочетает в себе черты того же Успенского и Алексея Кирилловича Кузнецова, студента Петровской академии, будущего краеведа и просветителя, приговоренного к десяти годам каторги за участие в убийстве Иванова. Кузнецов собирал деньги и вещи для «Народной расправы», выполнял мелкие поручения Нечаева, постоянно встречался с разными лицами по его приказу.

Прототип Толкаченко — фольклорист, этнограф Иван Гаврилович Прыжов, присутствовавший при убийстве, но не участвовавший в нем. Моисей Альтман, подробно сопоставивший биографии Прыжова и Толкаченко, предполагает, что Достоевский знал Прыжова лично⁹.

Прототип Эркеля — преданный нечаевец, бывший надзиратель в арестном доме Николай Николаевич Николаев, который зимой 1869 года отдал Нечаеву свой паспорт, чтобы тот смог бежать за границу. Именно Николаев заманил студента Иванова в грот под предлогом поиска печатного станка.

Кириллов унаследовал характер петрашевца Константина Тимковского,

*¹ Участники кружка Михаила Буташевича-Петрашевского. Собрания проходили в Петербурге во второй половине 1840-х годов, на них обсуждались идеи общественного переустройства и популярные теории утопического социализма. Кружок посещали писатели, художники, учителя, чиновники. По «делу петрашевцев» было арестовано около сорока человек, половину из них осудили на смертную казнь, которая оказалась инсценировкой — осужденных помиловали и отправили на каторгу.

лейтенанта черноморского флота в отставке. Тимковский был прекрасно образован, знал несколько языков, но с маниакальной страстью поддавался какой-нибудь идее, которая заслоняла для него все остальное. Первоначально глубоко религиозный человек, Тимковский затем хотел научно доказать божественность Христа, а позже стал таким же ярким атеистом. В кружке Петрашевского он горячо говорил об изменении мира и готовности пожертвовать собой во имя свободы. «Некоторые принимали его за истинный, дагеротипно верный снимок с Дон Кихота и, может быть, не ошибались»¹⁰, — писал о Тимковском Достоевский. Некоторые детали биографии перешли к Кириллову от Достоевского, например умерший семь лет назад старший брат или привычка пить крепкий чай по ночам.

Роль студента Иванова в романе формально выполняет Иван Шатов. Содержательно же Достоевский передает ему свою собственную идеологическую эволюцию.

Фигура Хроникера отчасти обязана Ивану Григорьевичу Сниткину, младшему брату жены Достоевского. Учитывая, что во время пребывания в Дрездене Сниткин был главным собеседником и конфидентом Достоевского, можно сравнить их отношения с отношениями Антона Лаврентьевича Г-ва и Верховенского-старшего, что позволяет думать, что фигура Степана Трофимовича создана писателем в том числе как самопародия.

Наконец, есть частичный прототип и у Ставрогина — это Николай Спешнёв, центральная фигура политического кружка

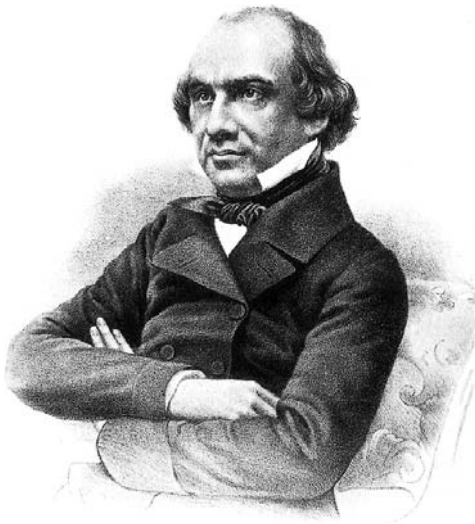
Дурова^{*1} и автор его устава, дворянин, долго проживший за границей, светский лев, роковой красавец с неподвижными чертами лица, исследователь раннего христианства как тайного общества, пропагандировавший «социализм, атеизм, терроризм, все, все доброе на свете»¹¹. Молодой Достоевский находился в странной психологической зависимости от Спешнёва, называл его своим Мефистофелем и к тому же занял у него крупную сумму денег, которую не мог отдать. А Тимковский — прототип Кириллова — указывал на допросе, что именно Спешнёв соблазнил его атеизмом.

КТО ВСЕ-ТАКИ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ «БЕСОВ» — ВЕРХОВЕНСКИЙ ИЛИ СТАВРОГИН?

В «Бесах» оказалось как будто бы два главных героя, из-за того что замысел романа сильно изменился в процессе работы. Поначалу Достоевский собирался написать памфлет против нигилистов и западников, а всю сущность политических радикалов, какой видел ее писатель, в романе должен был воплощать Петруша Верховенский. Но постепенно «Бесы» разрастались и поглощали предыдущие замыслы Достоевского, в том числе роман «Атеизм», роман о Князе и Ростовщике, «Житие великого грешника»^{*2}. Все эти ненаписанные произведения так или иначе предполагали воплощение мечты Достоевского создать русского «Фауста» или русскую «Божественную комедию» — идеальное, всеохватное произведение о потере

^{*1} Собрания у Сергея Федоровича Дурова, проходившие в 1848–1849 годах. Именно у Дурова Достоевский читал вслух запрещенное письмо Белинского к Гоголю.

^{*2} Ненаписанная философская эпопея Достоевского о внутренней борьбе и духовных исканиях

Историк Тимофей Грановский.
Портрет с литографии 1860-х годов.
Прототип Степана Трофимовича
Верховенского

и обретении веры. Именно из этих замыслов в «Бесах» появился Ставрогин — Князь, великий грешник, имморалист, который обрел абсолютную свободу, но не может обрести веру.

Если бы глава «У Тихона» осталась в тексте романа, первенство Ставрогина было бы более очевидным — Достоевский и раньше строил свои романы вокруг одного главного героя. Из-за изъятия главы герой оказался как будто недостаточно прописанным, неуловимым гораздо больше, чем планировал автор, помечая в черновиках, что Ставрогин должен быть лицом загадочным и романтическим. Впрочем, несмотря на излишнюю загадочность Ставрогина (Николай Бердяев считал его самым

загадочным персонажем не только «Бесов», но и мировой литературы), весь мир «Бесов» центрирован именно вокруг него: все, включая Петра Верховенского, любят и ненавидят его одновременно, ищут его внимания и одобрения, одержимы им. Пожалуй, нет в романе героя, которому Ставрогин не принес бы страданий, не соблазнил, не оскорбил, не погубил, — и этим же героям он видится солнцем, князем, ясным соколом, Иваном-царевичем. В достоевсковедении есть вариант интерпретации, который предполагает, что все остальные персонажи «Бесов» — только носители разных идей и свойств Ставрогина, его зеркала, его вторичные воплощения или вовсе функции, позволяющие сообщить о Ставрогине больше деталей. Первым такую мысль высказал как раз Бердяев, считавший, что Достоевский романтически влюблен в своего героя: «В этой символической трагедии есть только одно действующее лицо — Николай Ставрогин и его эманации»¹².

МОЖНО ЛИ НАЗВАТЬ СТАВРОГИНА «ЛИШНИМ» ИЛИ «НОВЫМ» ЧЕЛОВЕКОМ?

Для начала стоит сказать, что «лишние» и «новые» люди — штампы школьного литературоведения, которые могут пригодиться для классификации тех или иных волн, тенденций в литературе XIX века, но сужают героев выдающихся произведений, будь то Онегин, Печорин, Базаров или Ставрогин. История Ставрогина вовсе не о том, что он скучал, не находил себе применения

русского человека. По замыслу писателя, она должна была состоять из пяти отдельных повестей, объединенных главным героем-правдоискателем.